

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КИТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМЫ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА

Чжао ШЭНШАНЬ

В статье рассмотрена социальная коммуникация молодежи в современном Китае. Проанализированы традиционные китайские социальные отношения и моральные кодексы. Перечислены новые молодежные субкультурные феномены в первой четверти XXI в. Следует отметить, что феномены новых молодежных субкультур являются результатами социокультурных интеракций молодежи Китая и западных стран.

Ключевые слова: социальная коммуникация, Китай, молодежь, социокультурная интеракция, Запад, символический интеракционизм.

УДК 316.77

Духовная деятельность личности, по всеобщему признанию основоположников этнической психологии, возможна благодаря совместному и взаимному действию. Российский философ и психолог Г. Г. Шпет утверждал, что где бы ни проживало некоторое количество людей, необходимым результатом их совместной жизни будет то, что в их субъективной духовной деятельности развивается объективное духовное содержание, которое потом становится содержанием, нормой и органом их дальнейшей субъективной деятельности. Источником же духовной деятельности является национальный дух [9, с. 490].

На теоретико-методологический анализ объективных и субъективных взаимодействий субъектов культуры направлены современные исследования западных антропологов, культурологов, социологов и психологов, объединенных в рамках парадигмы символического интеракционизма. В гуманитарном дискурсе понятие «интеракция» впервые начало разрабатываться в рамках немецкого идеализма. Один из виднейших его представителей И. Г. Фихте использовал его для обозначения процесса взаимодействия между индивидами, в котором формируется собственное и коллективное сознание. Утверждение интеракции между членами общества как фундамента обоюдного признания, утверждал философ, является основой правового отношения между людьми [8]. Понятие «интеракция» в контексте коммуникативного действия впервые введено в научный оборот немецким социологом Ю. Хабермасом. Под коммуникативным действием он подразумевал осуществляющееся в символическом горизонте взаимодействие, которое следует действующим обязательным нормам, определяющим взаимные ожидания в контактах [10]. По мнению основоположников символически реализующегося интеракционизма (Дж. Болдуин, Ч. Кули, Дж. Г. Мид и др.), развитие индивидуальной личности сводится к процессу межличностной интеракции. При этом, считал Дж. Г. Мид, общение предполагает понимание наличия определенного уровня компетентности, знания, правил языковой игры – не только грамматических, но и смысловых – и наличие консенсуса [11]. Интерсубъективные отношения в сложных информационных системах и обществах анализировал также Н. Луман в теории систем. Интеракция им переносилась во внешнюю среду системы, поскольку всякий смысл

конституируется трансинтеракционально с перспективой применения вне проходящей в соответствующий момент тем или иным образом интеракции [5].

В трудах европейского философа Дж. Г. Мида впервые дан детальный анализ процесса социального взаимодействия. Интеракцию субъекта культуры он трактовал как «организм», живущий в среде и взаимодействующей с ней, частью среды являются и другие субъекты. Взаимодействие между индивидами понималось им как «символическое взаимодействие», в котором действия субъекта опосредованы системой общих значений.

Применительно к коммуникациям в молодежной среде Китая теорию символического интеракционизма можно использовать как методологию исследования специфических особенностей формирования формальных и неформальных объединений молодых людей (субкультур). Доминантным фактором, имеющим всеобщее значение для всех субъектов китайской культуры, в том числе и молодого поколения, является коллективизм. В культурной практике Китая на протяжении пяти тысячелетий прилагались огромные усилия для того, чтобы гомогенизировать людей, воспитать у них коллективистское мышление. Китайцы во главу угла всегда ставили достижение целей, стоящих перед той группой, к которой они принадлежат. При этом они готовы были в случае необходимости пожертвовать индивидуальными интересами.

Китайский этнопсихолог Ди Сюээй полагает, что китайскую культуру, во-первых, следует рассматривать как коллективистскую, в рамках которой индивид, обязан соблюдать интересы группы. Во-вторых, фемининную – предпочтение отдается взаимозависимости и служению друг другу. В-третьих, культуру с высоким уровнем избегания неопределенностей, из чего вытекает, что китайцы не склонны к рискам, стремятся к стабильности, доверию, строгому соблюдению принятых норм и правил. Наконец, китайской культуре присуща большая дистанция власти, т. е. власть в Китае авторитарна, допускает возможность подавления инакомыслия силой [2, с. 11].

Одной из основных категорий китайской этики является ритуал ли, который полностью регламентирует поведение индивида. Он способствует тому, что все внутренние импульсы индивида проецируются на внешний мир, причем, встраиваясь в определенные шаблоны социального поведения, тем самым сводятся к уже сложившимся архетипам. За пятитысячную историю китайского общества этот ритуал настолько закрепился, что архетипическое поведение вытеснило такой способ действий, когда индивид совершает поступок, исходя из своих собственных внутренних мотивов. Российский синолог К. М. Тертицкий полагает, что обращенность индивида к коллективу побуждает его поддерживать гармоничное отношение с людьми, добиваться одобрения со стороны других, стараться своими действиями и поведением не оттолкнуть от себя сотоварищей, избегать конфликта с ними [6, с. 21].

В соответствии с конфуцианством, «Дао Поднебесной воспроизводится не индивидом, а коллективом в границах всего общества» [4, с. 224]. С детского возраста индивид китайского общества, приобщаясь к этнонациональной культуре, ее нормам, традициям, усваивает некоторые знания, навыки и умения, необходимые для социального взаимодействия во взрослой жизни.

Одной из основных утопических социально-политических концепций конфуцианства является бинома датун («Великое единение», «Великое

равенство»). Главный компонент биномы датун – понятие «тун» («единение, объединение, совместимость, тождественность») – в древнекитайских памятниках имеет разные значения. В основном датун подразумевает такое положение в обществе, когда все инстанции, влияющие на принятие важного государственного решения (государь, оракулы, сановники, чиновники, народ), единодушны. При этом предполагается четкая социальная иерархия.

В учении Конфуция говорится о пяти видах особых взаимодействий, которые возникают между людьми и поддерживают гармонию в обществе. Это, во-первых, отношение между государем и подданным. В китайском обществе, неотъемлемой частью которого является иерархия, достойные отношения между господином и слугой определяют то, каким будут все виды отношений: справедливыми или нет. Господину в таких отношениях приличествовало человеколюбие, а подданному – преданность и верность ему. Во-вторых, это отношения родителей и детей. В них особое место отводилось сыновней почтительности как священной обязанности детей в отношении отцов. Добродетелью отцов считалась гуманность (жэнь) по отношению к детям. В-третьих, отношения мужа и жены. Равновесие этим отношениям придавали не только высшее качество, гуманность, но также и признание женой безоговорочного авторитета мужа, ее покорность, безупречность в поведении и старательность в ведении хозяйства. Одновременно Конфуций утверждал, что наиболее пагубным для мужчины и для государства является чувство любви, испытываемое мужчиной к женщине, так как, оказавшись во власти любовного увлечения, мужчина не может трезво оценивать свою избранницу, начинает потакать ее прихотям в ущерб интересам других членов семьи, пренебрегает своими государственными обязанностями. Подобное отношение к любовной эмоции, по мнению В. М. Алексеева, проистекало из опыта полигамной семьи, и в первую очередь, царского гарема. Позиция конфуцианства по отношению к чувству любви серьезно сказалась на литературном творчестве: произведения, повествующие о мужских любовных переживаниях, объявлялись развратными [1]. В-четвертых, это взаимодействие старшего и младшего. Особенность этого вида интеракции состоит в том, что в ней понимание роли старшего и младшего универсально. Почтение и уважительное отношение предписывалось не только к старшим по возрасту, но также и к тем, кто старше по званию, чину, мастерству, т. е. по положению вообще. В-пятых, это взаимодействие между друзьями. В этом случае основой коммуникаций служило равенство, их сущностью признавалась искренняя и бескорыстная взаимопомощь [3, с. 104–105].

Выработать такие правила взаимодействий, полагал мудрец, невозможно без особой повседневной практики на основе «ли» и ритуала. Если добродетель воспитывает должные качества личности и черты характера, то «ли» регулирует практику их воплощения. В соответствии с конфуцианством, индивид во взаимодействии с ему подобными обязан руководствоваться пятью добродетелями: человеколюбие, чувство долга, благопристойность, разумность и искренность. Все эти качества формируются благодаря выполнению ритуала. При этом индивид в интеракции, рекомендовал Конфуций, должен избегать четырех негативных качеств: бесчеловечности, торопливости, скарденности и мелочности [3, с. 177–179].

Рассуждением великого китайского философа во многом руководствуется и современное молодое поколение КНР. Эти нравственные принципы лежат в основе многих просоциальных молодежных субкультурных формирований.

Реализация политики реформ и открытости внесла радикальные изменения в сообщество китайской молодежи, в том числе и в процесс субкультуризации молодежи. Модернизационные процессы интенсифицировали интеракцию молодежи КНР и западных стран, что в свою очередь способствовало формированию различных субкультурных молодежных образований в современном китайском обществе. Молодежная субкультура, как полагает Чжан Чанг, – это часть культуры китайского общества, отличающаяся поведением ее субъектов от преобладающего большинства, а также стилем одежды, музыкальными, спортивными и другого рода предпочтениями, сленгом, специфическими ценностями, характерными для объединений молодых людей, и их символическим выражением [12, с. 61].

Изменения, происходящие в современном культурном пространстве китайского общества под воздействием внутренних и внешних детерминант, представляют собой сложные нелинейные процессы, связанные с освоением новых ценностей, символов, норм, паттернов, образов, форм социально-культурной деятельности. Существенным образом меняются стиль и образ жизни молодых людей, формируется новый тип мышления и восприятия. В молодежной среде появляются значительные социальные группы, принимающие инновационный пласт культуры как свой даже при несовместимости с традиционными основами официальной культуры. Интенсификация интеракции молодого поколения способствует культурным заимствованиям, в результате которых происходит расширение пространства китайской молодежной субкультуры.

Значительная группа китайских юношей и девушек посредством интеракции с молодым поколением Японии образовала в конце XX в. субкультуру «двух измерений» (二次元文化) (двумерный). Молодые люди являются поклонниками гонконгских мультфильмов и японской манги. Субъектов данного движения нередко можно встретить на улицах китайских городов в костюмах их любимых персонажей. Носители этой субкультуры являются активными участниками косплей-фестивалей, где они на это время из реальности уходят в другое измерение, чтобы почувствовать себя другими людьми.

Романтиками и эстетами, мечтателями и ценителями прекрасного, противопоставляющими себя мейнстриму, являются представители субкультуры сяоцинсинь (小清新) (изысканные). Ее субъектами являются преимущественно молодые люди из состоятельных семей, разносторонне образованные, с утонченным вкусом и оптимистичным взглядом на жизнь. Они любят путешествия, занимаются творчеством, особенно художественной фотографией. Фотоискусство является одним из важных способов самовыражения. Они не только пытаются запечатлеть красоту окружающего мира, найти волшебство в обыденности, но и посредством фотографий делятся своими мыслями, чувствами и переживаниями. Увлекаются творчеством тайваньской певицы Чэнь Цичжэнь и инди-группы Soda green (苏打绿), соответственно одеваются: носят длинные льняные юбки, рубашки в клетку, тельняшки, парусиновые туфли, не

делают яркий макияж. В настоящее время у них много подражателей из числа китайской молодежи.

Особой популярностью у значительной части китайской молодежи пользуется субкультура почитателей музыки Гуфэн (古风音乐) (музыка в старинном стиле), которая сформировалась на основе стиля псевдодревности. Ее субъекты в исполнительской практике широко используют традиционные музыкальные инструменты. Их вокальная и инструментальная музыка отличается элегантностью, легкостью, шармом и таинственностью. Почитателями музыки Гуфэн воспроизводятся традиционные способы исполнения, используются текстовые выражения и традиционные музыкальные источники, которые содержатся в древнем литературном памятнике «Книга обрядов: Порядок луны». Причина привлекательности этой субкультуры, полагает Чэнь Чжу, в том, что в ней сочетаются ценности традиционной и современной культуры. Создается иллюзорная эстетическая субкультура, которая соответствует романтической психологии молодых людей в переходный период их жизни [13].

В то же время следует заметить, что незначительное количество китайской молодежи в условиях расширения и углубления политики открытости восприняло идеи антисоциальных молодежных движений. Например, из США молодому поколению КНР передалась субкультура битников (嬉皮士) (хиппи). В Калифорнии в 1950-е гг. небольшая группа американских писателей, художников и их фанатов создала данное субкультурное образование. Э. Тоффлер отмечал, что особенностью делинквентных действий субъектов данного образования было прославление бедности – «джинсы, сандалии, лачуги и хибарки; пристрастие к негритянскому джазу и жаргону; интерес к восточному мистицизму и французскому экзистенциализму; общее неприятие общества, основанного на технологиях» [7, с. 321]. Их идеология представляла собой смесь марксизма, анархизма, троцкизма и буддизма, была направлена против общественного мнения и общественной морали, американского образа жизни, а также внешней политики США.

Основой идеологии китайского битничества стали ценности, содержащиеся в романе Д. Керуака «В дороге». Основными атрибутами китайских битников считаются черный свитер с высоким горлом и берет, в некоторых ситуациях допускаются белые майки без рисунка. В их гардероб входят также сутаны с капюшоном, кожаные сапоги, длинные юбки и капри. Зачастую они носят темные непроницаемые очки. Прически битников представляют собой длинные прямые волосы до плеч, они носят короткую бородку.

Субкультура битников способствовала созданию новых форм интеракции между молодыми людьми, основанных на европейских и американских ценностях, образе жизни, качествах личности, статусах, нормах поведения. Субкультура стала основой для нового типа мировоззрения.

В результате интеракции молодежи США и Китая определенное количество молодежи оказалось носителем субкультуры рэперов (说唱). Делинквентные действия ее субъектов сводятся к насилию, сексу, пафосу. Рэперы считают, что чем пафосней человек, тем уважительней к нему относится его окружение. Среди приверженцев этой субкультуры широко распространены баскетбол, битбокс, граффити, брейк-данс и другие развлекательные способы времяпровождения. Самые заметные кумиры для данной субкультуры – группа Higher Brothers

из города Чэнду. Благодаря телешоу «Уличные танцы Китая» и «Рэп Китая» в стране появились любители носить одежду в стиле streetwear. Молодежь перенимает стиль знаменитых рэперов, чтобы выделиться на фоне остальных. Китайское правительство стремится сдерживать фантазию поклонников уличной одежды, поэтому мейнстримной она пока не стала. Но у брендов Supreme, OffWhite и Yeezy уже достаточно преданных покупателей.

В начале 1990-х гг. в молодежной среде Китая начали появляться поклонники западноевропейской субкультуры скинхедов (光头党), которая оформилась в Англии в 1968 г. Ее субъекты проповедовали идеи близкие расистским и фашистским. Они видели в рабочих и служащих других национальностей причину безработицы, бедности и остальных жизненных проблем британского общества. На их взгляд, демократические правительства западных стран ставят целью смешать все народы и нации, что препятствует сохранению чистоты крови британцев. Своими делинквентными действиями скинхеды пытались не дать раствориться англичанам в мультикультурализме.

В настоящее время субкультура скинхедов стала активно внедряться по всей территории земного шара и практически полностью охватила весь мир. На рубеже XX–XXI вв. идеи субкультуры скинхедов начали распространяться среди молодого поколения КНР.

Таким образом, можно утверждать, что в первой четверти XXI в. в молодежной среде КНР возникли просоциальные и асоциальные субкультурные образования, являющиеся важным социокультурным феноменом. Они не только оказывают существенное влияние на формирование молодого поколения, но и благодаря своему динамизму и жизнеспособности непрерывно воздействуют на доминантную культуру китайского общества. Их существование во многом обусловлено межиндивидуальной и групповой интеракцией молодого поколения Китая с молодежью различных стран Запада и Юго-Восточной Азии. Имеют место заимствования основных внешних и внутренних атрибутивных качеств молодежных субкультур, которые подверглись трансформации в соответствии со спецификой китайского менталитета, а также социокультурными интересами и потребностями молодых людей КНР.

Список использованных источников

1. Алексеев, В. М. Китайская литература. Избранные труды / В. М. Алексеев. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1978. – 595 с.
2. Ди, Сюэвэй. Чувство, лицо и власть: новое рождение / Сюэвэй Ди. – Пекин: Народное издательство, 2005. – 269 с.
3. Конфуций. Суждения и беседы / Конфуций. – СПб.: Кристалл, 2001. – 192 с.
4. Лукьянов, А. Е. Лао-цзы и Конфуций: Философия Дао / А. Е. Лукьянов; Рос. акад. наук, Ин-т Дальн. Востока. – М.: Вост. лит. РАН, 2000. – 384 с.
5. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман. – М.: Канон+, 2012. – 239 с.
6. Тertiцкий, К. М. Китайцы. Традиционные ценности в современном мире / К. М. Тertiцкий. – М.: Аспект Пресс, 1994. – 316 с.
7. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 776 с.
8. Фихте, И. Г. Сочинения: в 2 т. / И. Г. Фихте; сост. и примеч. В. Волжского. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т. 2. – 798 с.
9. Шпет, Г. Г. Сочинения / Г. Г. Шпет. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – 601 с.
10. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns: in 2 Bd. / J. Habermas. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981. – Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. – 533 s.

11. Mead, G. H. Mind, self and society: from the standpoint of a social behaviorist / G. H. Mead; ed. Ch. W. Morris. – Chicago: Univ. Of Chicago Press, 1934. – 400 p.

12. 张畅《当代青春亚文化的多元特征》，《温州职业技术学院学报》，2008 年第1期，60-62页 = Чжан, Чанг. Множество характеристик современной молодежной субкультуры / Чанг Чжан // Журнал Вэньчжоуского профессионально-технического колледжа. – 2008. – № 1. – С. 60–62.

13. 陈注《礼记》，上海，上海古籍出版社，1987年版，83页 = Чэнь, Чжу. Книга обрядов / Чжу Чэнь. – Шанхай: Шанхайское издательство древних книг, 1987. – 83 с.

Modern Youth and Society, Volume 9, 2021

SOCIAL COMMUNICATION OF CHINESE YOUTH IN THE CONTEXT OF THE PARADIGM OF SYMBOLIC INTERACTIONISM

Zhao Shengshan

Abstract: The article deals with the social communication of youth in modern China. The traditional Chinese social relations and moral codes are analyzed. New youth subcultural phenomena in the first quarter of the XXI century are listed. It should be noted that the phenomena of new youth subcultures are the results of sociocultural interactions between young people in China and Western countries.

Keywords: China, the West, social communication, youth, sociocultural interaction, symbolic interactionism.

Дата подачи: 28.01.2021 г.